

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Сенотрусова П.О., Эккердт А.А., Мандрыка П.В. *

Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 79, Красноярск, 660041
E-mail: Pollina1987@rambler.ru (Сенотрусова П.О.); ekkerdta@mail.ru (Эккердт А.А.)
pmandryka@yandex.ru (Мандрыка П.В.)

НАХОДКИ ОРНИТОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ФИНАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА НИЖНЕЙ АНГАРЕ

На могильнике Пинчуга VI (Нижнее Приангарье) найдены первые в таежной зоне Средней Сибири орнитоморфные изображения, относящиеся к одному из типов западно-сибирского культового литья. Выделены характерные признаки изображений, позволяющие отнести их к холмогорской стилистической группе западно-сибирского культового литья. Определено время бытования изделий в рамках второй четверти I тыс. н.э. Сделаны выводы об особом месте птицевидных изделий в мировоззрении населения Нижнего Приангарья.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, финал раннего железного века, западно-сибирское культовое литье, орнитоморфные изображения, хронология, импорт.

Введение

Одним из знаковых явлений раннего железного века в лесной зоне Западной Сибири стало формирование западно-сибирского культового литья с художественным или абстрактным оформлением предметов. Яркие и самобытные бронзовые изображения людей, птиц и животных широко известны от Урала до Енисея. Этот феномен неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, и ему посвящена обширная литература [Троицкая, 1979, 2009; Труфанова, 2003; Чиндина, 2006; Чемякин, 2013, 2015; Ширин, 2015; Федорова, Гусев, 2019; и др.]. При этом восточная граница распространения подобных изделий ограничивалась Обь-Енисейским водоразделом. Единичные случайные находки западно-сибирского культового бронзового литья из Средней Сибири не были привязаны к конкретным комплексам, что затрудняло интерпретацию их места и значения в культуре местного населения.

Находка трех орнитоморфных изображений на могильнике Пинчуга VI, расположенного в нижнем течении Ангары, позволяет впервые привязать предметы художественного литья к археологически изучаемому комплексу в южной тайге Средней Сибири. Сегодня этот район является восточной окраиной присутствия западно-сибирских художественных бронз, которые важны для разработки хронологии культур Нижнего Приангарья финала периода раннего железного века и уточнения возраста стилистических групп западно-сибирского литья. Присутствие таких изделий на берегах Ангары маркирует направления культурных связей населения региона.

Объекты исследования

Могильник Пинчуга VI расположен на правом берегу Ангары, в 180 км выше ее устья, напротив п. Пинчуга (рис. 1).

Некрополь приурочен к поверхности невысокой песчаной гривы золотого генезиса, образованной на краю 22-метровой террасы. Памятник открыт в 2018 г. археологической экспедицией СФУ под руководством П.В. Мандрыки. При осмотре поверхности гривы выявлены хаотичные «закопушки черных копателей», в которых находились брошенные железные изделия, каменные и стеклянные бусы, фрагменты керамики и обожженных костей [Мандрыка и др., 2020]. За два года полевых исследований сплошным раскопом вскрыто около 700 м² и выявлено 16 погребений, пять из которых оказались частично повреждены из-за деятельности любителей приборного поиска.

Все изученные захоронения совершены по обряду трупосожжения на стороне, они располагались рядами вдоль гривы, параллельно течению реки. Зафиксирована значительная вариативность в способах размещения праха и предметов сопроводительного инвентаря. Большая часть погребений совершена в грунтовых ямах овальной или округлой формы разных размеров, также отмечены случаи размещения фрагментов костей человека вместе с предметами на уровне древней поверхности.

* Corresponding author.

Реже прослеживается наложение выше указанных способов размещения праха в одном комплексе. На верхнем уровне фрагменты обожженных костей рассыпаны по древней поверхности, здесь же лежат предметы сопроводительного инвентаря, отмечаются пятна прокаленной почвы и небольшие древесные угли. Разброс предметов составляет от 1 до 3 м. Ниже, под скоплениями вещей, фиксируется от одной до трех грунтовых ям (могил), в которых помещались обломки обожженных костей человека, предметы, кусочки угля и фрагменты органических материалов. Находки из верхнего и нижнего уровней таких комплексов типологически единообразны, части некоторых сломанных предметов склеиваются между собой. Каждое погребение содержит разнообразный и выразительный сопроводительный инвентарь. Скопления предметов отмечены и в межмогильном пространстве некрополя. По обломкам определимых костей отмечены как индивидуальные, так и коллективные погребения [Дедик, 2021].

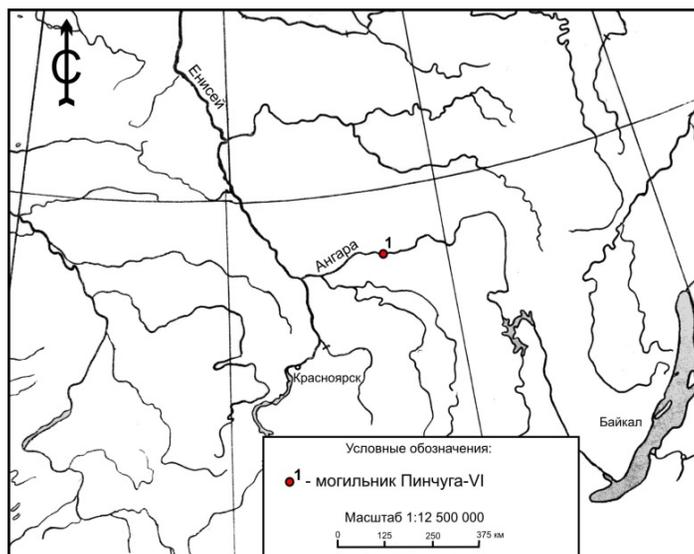

Рис. 1. Карта-схема расположения могильника Пинчуга VI.

Fig. 1. The map of the Pinchuga VI burial ground location.

В разных комплексах могильника найдено пока три орнитоморфных изображения, отлитых из бронзы. Все фигурки выпуклые в сечении, схожи по стилю исполнения, на обратной стороне целых экземпляров сохранились следы какой-то органической основы (мех, войлок, кожа?), к которой они прикреплялись.

Первое орнитоморфное изображение зафиксировано в заполнении ямы погребения № 9. Оно располагалось над скоплением фрагментов обожженных костей человека, на одном уровне с другими изделиями из бронзы. Предмет был обернут в какой-то органический материал, от которого сохранился только черный тлен. Изображена хищная дневная птица, скорее всего сокол, которая показана в фас (рис. 2, 1). Общие размеры фигурки 6,0×3,9×0,3 см. Лицевая сторона изделия передает птицу со стороны груди, хорошо видны прижатые к туловищу лапы длиной 1,2 см с тремя когтями. Голова изображения горельефная. Крылья длиной 3,4 см с приостренными окончаниями опущены вниз, полностью не соприкасаются с туловищем, хвост прямоугольный длиной 2,2 см. По внешней кромке на крыльях расположены две параллельные полосы, маховые перья переданы наклонными непрерывающимися полосами, чередующимися с пунктиром. Хвост выделен двумя горизонтальными полосами, поделен на три части, заполненные орнаментом, имитирующим оперение: боковые — скобками, а центральная — вертикальным зигзагом. Птица крепилась к основе с помощью массивной петли, расположенной в центре груди с тыльной стороны.

Второе орнитоморфное изображение найдено в скоплении предметов на уровне древней поверхности некрополя. Вместе с ним залежали подвески из зубов лося, железные круглые нашивки, ножи с петельчатым окончанием рукояти. Фигурка размерами 6,0×4,3×0,4 см, как и первая, показана в фас хищную дневную птицу, скорее всего орла (рис. 2, 2), хорошо видны прижатые к туловищу лапы длиной 1,1 см с когтями. На груди птицы присутствует схематически изображенная личина: глаза и рот отмечены горизонтально изогнутыми бороздками, нос отсутствует. На

Находки орнитоморфных изображений финала раннего железного века на Нижней Ангаре

шее расположено двойное ожерелье, голова горельефная. Широкие и опущенные вниз крылья длиной 4 см с прямыми окончаниями, веерный хвост длиной 1,5 см. По внешней кромке крыльев прочерчены парные желобки, между которыми нанесена полоска перлов. Первоначально для крепления фигурки к основе использовалась петля на обратной стороне, но еще в древности она сломалась. На месте петли просверлили отверстие, в котором сохранился кожаный шнурок с завязанным на конце узелком.

Рис. 2. Орнитоморфные изображения из могильника Пинчуга VI.

Fig. 2. Ornithomorphic images from the Pinchuga VI burial ground.

От третьего изображения уцелело только три небольших фрагмента (рис. 2, 3), найденных в заполнении современной грабительской ямы. Фигурка была повреждена грабителем, на это указывают свежие сломы на найденных обломках. Центральная часть изображения, по всей ви-

димости, была унесена. От фигурки до нас дошло два фрагмента разных приостренных крыльев и прямоугольный хвост птицы (ястреба или сокола?), изображенные, как и в выше представленных случаях, в фас. Хорошо видны прижатые к туловищу лапы с двумя когтями. Оперение крыльев передано наклонными полосами. Возможно, кисти каждого крыла птицы были выгнуты в разные стороны, так как обломанные фрагменты имеют такое направление. Видовую принадлежность птицы, дополнительный орнамент и способ крепления установить невозможно.

Найденные на могильнике Пинчуга VI орнитоморфные изображения стилистически близки. Это реалистичные изображения дневных хищных птиц, «застывших» в пикирующем полете, образы показаны в фас, с высокой горельефной головой, с опущенными крыльями и прижатыми к туловищу выразительными лапами с когтями. Геометрический декор передает их оперение, на груди одной птицы присутствует стилизованная личина. Изображения слабовыпуклые, их лицевая сторона подшлифована. На отливках нет следов пирогенного воздействия, их клали в могилу и/или в межмогильное пространство вместе с органической основой, на которую они крепились и/или в которую они заворачивались. Иконографические черты ангарских изображений позволяют связывать их с одним из типов западно-сибирского культового литья.

Обсуждение

Найденные на могильнике Пинчуга VI орнитоморфные изображения сходны с фигурками, найденными в культовых комплексах различных культур Западной Сибири, в том числе территориально наиболее близкой к Приангарью — кулайской. При этом необходимо отметить, что эти орнитоморфные изображения отличаются друг от друга значительным разнообразием. Каждая фигурка обладает уникальным набором признаков, придающим ей индивидуальный характер. По этой причине сходство между разными бронзовыми изображениями носит либо общий стилистический характер, либо прослеживается в отдельных деталях.

Каждая ангарская фигурка индивидуальна, но по общему стилю изображения опущенных крыльев, хвоста, лап, оперенья, выпуклой груди не выбиваются из общего канона западно-сибирского культового литья позднекулайского времени.

Первая ангарская фигурка птицы по форме крыльев, расположению лап, трехполосному разделению оперения хвоста близка к трехголовому птицевидному изображению из Холмогорской коллекции [Зыков, Федорова, 2001, с. 104, рис. 19]. Когтистые лапы поджаты к животу, на каждой лапе изображено по три когтя. Памятник, где обнаружена холмогорская коллекция, первоначально был атрибутирован как клад. Позже А.П. Зыков и Н.В. Федорова высказали предположение, что Холмогорский комплекс представляет собой остатки ритуального захоронения нескольких посмертных изображений умерших. Формирование коллекции исследователи относят к III в. н.э., наиболее вероятной датой захоронения вещей считаются конец III — первая половина IV в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 104–105].

Вторая ангарская фигурка выделяется широкими крыльями и изображением личины на груди. Размещение личин в области груди на орнитоморфных изображениях достаточно широкая практика в западно-сибирском искусстве, включая кулайское. Упрощенная личина (с двумя черточками-глазами и одной черточкой-ртом) на ангарской фигурке близка к личине на орнитоморфном изображении из могилы 44 Томского могильника [Ширин, Хаврин, 2012, рис. 5]. Схожи и лапы с тремя когтями, которые отделены кантами. Изображение из Томского могильника датируется Ю.В. Шириным и С.В. Хавриным второй четвертью I тыс. н.э. [Ширин, Хаврин, 2012, с. 255].

Фрагменты третьего, сломанного, ангарского изображения птицы находят аналогии среди предметов Ишимской коллекции. У одной фигурки с подогнутыми крыльями оперенье передано такими же выпуклыми полосками. Другая ишимская фигурка птицы имеет аналогичные небольшие лапы полукруглой формы с двумя когтями [Ермолаев, 1914, табл. VI, 3, 6]. Вопрос хронологии материалов Ишимского клада остается не решенным до конца, но вероятно, верхняя граница комплекса не моложе V в. н.э. [Ширин, 1993, с. 154].

Изображения птиц, близкие ангарским находкам, известны среди материалов Парабельского культового места. Наиболее стилистически близкой является фигурка дневной хищной птицы с личиной на груди и подквадратной формой крыльев (ТОКМ 298/9) [Чиндина, 1984, рис. 37, 1]. Другая хищная птица с горельефной головой и распахнутыми крыльями и лапами с тремя когтями (ТОКМ 298/12) близка к изображению из погребения № 9 могильника Пинчуга VI. Л.А. Чиндина определяет датировку комплекса широко, от начала саровского этапа кулайской культуры до раннего средневековья включительно [1991, с. 54]. Однако Ю.В. Ширин датирует эти материалы III–V вв. н.э. [1993], с чем мы можем согласиться.

Находки орнитоморфных изображений финала раннего железного века на Нижней Ангаре

Орнитоморфные изображения, найденные на могильнике Пинчуга VI, входят в круг позднекулайских материалов, которые следует датировать второй четвертью I тыс. н.э. Стилистические особенности ангарских отливок позволяют отнести их к холмогорской стилистической группе западно-сибирского культового литья, выделенной Ю.В. Шириным. Художественная пластика этого типа отличается высоким рельефом деталей, общей вогнутостью оборотной стороны, декоративной дополнительной обработкой внешней поверхности и шлифовкой [Ширин, 2017, с. 99]. По мнению исследователя, вероятным регионом массового производства вещей холмогорской стилистической группы может быть южная часть Среднего Зауралья, где в первой половине I тыс. н.э. проходили основные торговые маршруты, связывающие регион со Средней Азией [Ширин, 2018b, с. 184]. Холмогорская стилистическая группа распространена по всей Западной Сибири и проникает до Енисея и восточнее. Этот вывод Ю.В. Ширина нашел подтверждение в представленных новых материалах из Нижнего Приангарья.

Проблема присутствия вещей, схожих с кулайскими по облику, в бассейне нижнего течения Ангары неоднократно привлекала внимание исследователей. В обзорной статье В.П. Леонтьева и Н.И. Дроздова приведены сведения о случайных находках в регионе предметов, внешне напоминающих изделия кулайской культуры. Среди них упоминаются бронзовые фигурные бляхи, найденные возле д. Дворец и в устье р. Чадобец, и трехперый наконечник стрелы со скрытой втулкой со стоянки Чадобец. Время и механизмы проникновения вещей кулайского облика авторами не рассматриваются. К кулайским же комплексам отнесены материалы одного погребения по обряду трупопожжения на стороне с бронзовой фигуркой «змеи или ящерицы», изученного в 1993 г. на могильнике Усть-Кова [Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 158, рис. 3]. Последнее мнение ошибочно, так как Усть-Ковинский некрополь следует датировать VI–VIII вв. н.э. [Сенотрсова, 2016, с. 96].

Вывод о некотором кулайском влиянии на культуру ангарского населения раннего железного века был сделан А.Л. Заикой после изучения ряда петроглифов. Автор подчеркивает сходство ромбовидных личин в «рогатых» головных уборах, известных на кулайской керамике Западной Сибири и на посуде таежной зоны Среднего Енисея и Нижнего Приангарья. Встречаются аналогичные образы и в наскальном искусстве южной тайги Средней Сибири (Заика, 2013, с. 143).

Говоря о влиянии кулайской культуры на население лесных районов Средней Сибири, необходимо выделить работу новосибирских исследователей, посвященную анализу бронзовых фигурных блях в виде контуров голов двух стилизованных грифонов и с антропоморфными личинами на щитке. Авторы отмечают, что ареал изделий этого типа занимает не только Западную Сибирь, но охватывает и территорию Ангаро-Енисейского бассейна [Марченко и др., 2014]. Хронология таких блях продолжает оставаться неразработанной, хотя и выдвинуто предположение, что они изготавливались до середины I тыс. н.э. [Ширин, 2018a, с. 260]. Достаточно осторожно ареал птицеголовых накладок также можно связывать с кулайским миром.

Наиболее радикальная точка зрения высказана Л.А. Чиндиной. Автор делает вывод, что кулайские объекты на данной территории не ограничиваются только случайными предметами, кроме отдельных вещей есть погребения, поселения и культовые места, что связано с освоением кулайцами новых территорий. По ее мнению, миграции в Приангарье носили эпизодический характер с экспедиционными целями. Кулайцы, оказавшись в изолированном положении, сохраняли основные традиции своей культуры, однако новые условия жизни принуждали их усваивать какие-то местные черты [Чиндина, 2008].

Появление на Ангаре закрытых комплексов, содержащих вещи западно-сибирских типов финала раннего железного века, позволяет вновь обратиться к этой проблеме. На сегодняшний день предметы западно-сибирских типов, в том числе характерных для позднекулайских комплексов, известны на двух могильниках Нижнего Приангарья: Усть-Зелинда-2 и Пинчуга VI. Помимо вышеописанных орнитоморфных изображений, на памятнике Пинчуга VI присутствуют бронзовые диски с циркульным орнаментом, объемное изображение головы рыбы (?), птицеголовая поясная накладка [Сенотрсова, 2021].

На хронологическую, а возможно, и культурную близость ангарских и позднекулайских комплексов указывает распространение одних и тех же типов наконечников стрел из рога и железа. Это длинные узкие проникатели с бронебойными головками, трехлопастные наконечники треугольной или ромбической формы и небольшие плоские треугольные наконечники стрел [Ермолаев, табл. II; Ширин, Хаврин, 2012, с. 10; Зыков, Федорова, 2001, с. 122, 124]. Среди ангарских материалов встречаются изделия из рога, полностью имитирующие аналогичные западно-сибирские железные наконечники стрел.

Найденные на Ангаре изделия бронзовой металлопластики западно-сибирских типов, несомненно, относятся к предметам импорта. Именно западно-сибирская тайга была районом, откуда в Приангарье в финале раннего железного века и поступала большая часть таких бронзовых изделий, маркирующих определенный социальный статус своих владельцев. находка подобных изделий в погребениях говорит о том, что орнитоморфные изображения органично использовались в культовой практике и являлись значимыми символами в системе мировоззрения ангарского населения, занимая в ней особое место.

Вместе с тем даже эти материалы не позволяют согласиться с концепцией непосредственного проникновения значительного числа кулайцев в Нижнее Приангарье, высказанной Л.А. Чиндиной. До настоящего времени в регионе исследования не найдено фрагментов кулайской посуды, напротив, здесь в это время существовала местная традиция изготовления посуды с тонковаликовым декором. находки кулайской керамики пока вообще не известны не только на Ангаре, но и на более западных территориях бассейна Енисея. Большая часть железного инвентаря и изделий из рога и кости из погребений нижнего течения Ангары не имеет аналогий в кулайских материалах. Они указывают на вещевой набор местной культуры.

Заключение

Представленные орнитоморфные изображения финала раннего железного века, найденные на могильнике Пинчуга VI, расширяют ареал холмогорской стилистической группы западно-сибирского культового литья. Они свидетельствуют о существовании схожих культов и общих элементов в мировоззрении у групп лесного населения в Нижнем Приангарье и таежной зоне Западной Сибири. говорить о передвижении кулайского населения на берега Ангары пока преждевременно, но новые материалы указывают на проникновение отдельных предметов бронзовой металлопластики западно-сибирского облика в Нижнее Приангарье во второй четверти I тыс. н.э. Они вошли в обиход и использовались носителями местной культуры.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Ю.В. Ширину за консультации при обсуждении материала и А.В. Рудакову за прорисовку бронзовых изображений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дедик А.В.* Антропологические останки из захоронений по обряду кремации с территории могильника Пинчуга-6: (Предварительные итоги) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: От появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 168–170.
- Ермолаев А.П.* Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск: Тип. М.И. Абалкова, 1914. Вып. 1. 19 с.
- Заика А.Л.* Личины Нижней Ангары. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т. им. В.П. Астафьева, 2013. 178 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 175 с.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И.* Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таежной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 157–160.
- Мандрыка П.В., Максимович Л.А., Бирюлева К.В., Гурулев Д.А., Виноградов Д.А.* Археологические исследования Сибирского федерального университета в Красноярском крае // АО 2018 г. М.: ИА РАН, 2020. С. 452–455.
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Дудко А.А., Гаркуша Ю.Н.* Редкий вид бронзовых фигурных блях эпохи железа Восточной и Западной Сибири: К проблеме трактовки орнамента, использования и датировки предметов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. № 5. С. 228–239.
- Сенотрусова П.О.* Культурные связи населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий. Красноярск: СФУ, 2021. С. 55–59.
- Сенотрусова П.О.* Могильник Усть-Кова и его место в средневековой истории Нижнего Приангарья (по опубликованным данным) // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 16. С. 88–102.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 126 с.
- Троицкая Т.Н.* Некоторые коррективы к характеристике кулайской художественной металлопластики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 45–48.
- Труфанова Ж.Н.* Плоское ажурное литье кулайской культуры (статистико-иконографический анализ): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 25 с.
- Федорова Н.В., Гусев А.В.* Кулайская проблема: История и современное состояние // *Universum Humanitarium*. 2019. № 1. С. 20–37.

Находки орнитоморфных изображений финала раннего железного века на Нижней Ангаре

Чемякин Ю.П. Культурная металлопластика сургутского варианта кулайской культуры // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 137–141.

Чемякин Ю.П. Об одной гипотезе происхождения кулайской металлопластики // Вестник КемГУ. 2015. № 2–6 (62). С. 177–181.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху Раннего Средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 186 с.

Чиндина Л. А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // Второй сев. археол. конгресс. Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 404–420.

Чиндина Л.А. Юго-Восточный фронт в кулайское время // Труды II Всерос. археол. съезда. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 182–186.

Ширин Ю.В. К истории «культурных мест» Западной Сибири. // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 152–171.

Ширин Ю.В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 145–148.

Ширин Ю.В. Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы урало-западносибирского литья из белой бронзы // Культуры и народы Северной Евразии: Взгляд сквозь время. Томск: Д'Принт, 2017. С. 93–99.

Ширин Ю.В. Птицеголовые поясные накладки начала I тыс. н.э. в культурном пространстве от Урала до Ангары // XXIX Урал. археол. совещание. Самара: Изд-во СГСГУ, 2018а. С. 258–260.

Ширин Ю.В. Хронология выявляемых культурных связей Приуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железа // Археология евразийских степей. Казань: Казанская недвижимость, 2018b. С. 178–191.

Ширин Ю.В., Хаврин С.В. Комплексы второй четверти I тыс. н.э. из Томского могильника // STRATUM PLUS. Археология и культурная антропология. 2012. Вып 4. С. 239–255.

Senotrusova P.O., Ekkerdt A.A., Mandryka P.V. *

Siberian Federal University, Svobodny prosp., 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

E-mail: Pollina1987@rambler.ru (Senotrusova P.O.); ekkerdt@mail.ru (Ekkerdt A.A.);

pmandryka@yandex.ru (Mandryka P.V.)

Finds of ornithomorphic images of the End of the Early Iron Age in the Lower Angara region

The paper concerns the ornithomorphic images found at the Pinchuga VI burial ground. The site is located in the lower course of the river Angara (Middle Siberia). The chronological boundaries of the study span the second quarter of the 1st millennium AD (end of the Early Iron Age). All burials at the burial ground were performed according to the rite of cremation outside the cemetery. Two intact objects and fragments of the third image of a bird were found at the necropolis. Figures were found in different contexts. One of them was found in the filling of a grave pit, the second item within an assemblage of various articles in the inter-grave space. The third item was broken and lost as the result of illegal excavations. All articles share similar characteristics. These are realistic images of diurnal birds of prey “frozen” in a diving flight; the images are shown en face, with a high-relief head, with the tucked wings and feet pulled up with talons. A geometric decor conveys their feather, and a stylized mask is present on the chest of one item. The images are slightly convex, their front side is polished. The closest analogies to the Angara images of birds are known in Western Siberia, including the Tomsk burial ground, the Kholmogory treasure, the Ishim collection, and materials from the Parabel cult place. All this makes it possible to attribute the analyzed items to the Kholmogory stylistic group of the Kulai cult casting. Products of this group became widespread in Western Siberia in the second quarter of the 1st millennium AD. The ornithomorphic images found at the Pinchuga VI cemetery extend the geographical range of the items of this style to the territory of Middle Siberia. Apart from the figurines of birds, the necropolis also yields other items of the Western Siberian cult casting, including disks with concentric ornaments, a hollow image of a fish head, and a bird-head belt applique. Bronze items were imported, and in the course of exchange they were spreading over considerable distances. This proves the existence of established cultural ties between the populations of the Lower Angara region and Western Siberia at the End of the Early Iron Age.

Keywords: Lower Angara region, the end of the Early Iron Age, West Siberian cult casting, ornithomorphic images, chronology, importation.

REFERENCES

Chemiakin, Iu.P. (2013). Cult decorative metal of the Surgut variant of the Kulaika culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 22(2), 137–141. (Rus.).

Chemiakin, Iu.P. (2015). A hypothesis for the origin of Kulaika cult decorative metal. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 62(2-6), 177–181. (Rus.).

* Corresponding author.

- Chindina, L.A. (1984). *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Chindina, L.A. (1991). *History of the Middle Ob region in the Early Middle Ages*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Chindina, L.A. (2006). Problems of the Kulaika culture: Yesterday and today. In: L. Koryakova (Ed.). *Vtoroi severnyi arkhelogicheskii kongress*. Ekaterinburg: Charoid, 404–420. (Rus.).
- Chindina, L.A. (2008). Southeastern frontier in the Kulaika time. In: A. Derevyanko (Ed.): *Trudy II Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda. T. 2*. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 182–186. (Rus.).
- Dedik, A.V. (2021). Anthropologic remains from cremation burials in the area of the burial ground of Pinchuga-6: (Preliminary results). In: A. Polykov (Ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: Ot poiavleniia pervykh skotovodov do epokhi slozheniia gosudarstvennykh obrazovani*. St. Petersburg: IHMC RAS, 168–170. (Rus.).
- Ermolaev, A.P. (1914). *Ishim collection: Description of the collections of the Krasnoyarsk Museum. Archaeological department*. Krasnoyarsk: Tipografy M.I. Abalkova. (Rus.).
- Fedorova, N.V., Gusev, A.V. (2019) Kulaika problem: The history and modern condition. *Universum Humanitarium*, (1), 20–37. (Rus.).
- Leont'ev, V.P., Drozdov, N.I. (1996) Unknown finds of bronze items of the Kulai culture in the taiga zone of Central Siberia. In A. Derevyanko (Ed.) *Noveishie arkhelogicheskie i etnograficheskie otkrytiia v Sibiri*. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 157–160. (Rus.).
- Mandryka, P.V., Maksimovich, L.A., Biriuleva, K.V., Gurulev, D.A., Vinogradov, D.A. (2020). Archaeological research of the Siberian Federal University in the Krasnoyarsk Territory. In: N. Lopatin (Ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia. 2018 god*. Moscow: Publishing House of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 452–455. (Rus.).
- Marchenko, Zh.V., Grishin, A.E., Dudko, A.A., Garkusha, Iu.N. (2014). Unusual bronze figure pendant from Eastern and Western Siberia (Iron Age): To problem of interpretation the ornament, the using and the dating. *Vestnik NGU. Seriya Istorii, filologiya*, 5, 228–239. (Rus.).
- Senotrusova, P.O. (2021). Cultural contacts of the population of the Lower Angara region in the Final of the Iron Age. In: P. Mandryka (Ed.) *Mezhdistsiplinarnye arkhelogicheskie issledovaniia drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Krasnoyarsk: SFU, 55–59. (Rus.).
- Senotrusova, P.O. (2016). The burial ground Ust-Kova and his place in the medieval history of Lower Angara region (according to the published data). *Izvestiia IGU. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 16, 88–102. (Rus.).
- Troitskaia, T.N. (1979). *Kulaika culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Troitskaia, T. N. (2009) Some adjustments to the characteristics of the Kulaika cult decorative metal. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (10), 45–48. (Rus.).
- Trufanova, Zh. N. (2003). *Flat openwork casting of the Kulaika culture: (Statistical and iconographic analysis)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (1993). On the history of “places of worship” in: Western Siberia. In: L. Chindina (Ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Srednem Priob'e*. Tomsk: Tomsk State University Press, 152–171. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2015). Placement and cultural specificity of the southern groups of objects of the Kulaika cultural continuity. In: N. Tomilov (Ed.). *Integratsiia arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovani*. Barnaul; Omsk: Nauka, 145–148. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2017). Transcultural phenomenon of the Kholmogory stylistic group of the Ural-West Siberian white bronze casting. In: M. Chernaya (Ed.). *Kul'tury i narody Severnoi Evrazii: Vzgliad skvoz' vremia*. Tomsk: D'Print, 93–99. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2018a). Bird-headed belt pads of the early 1st millennium AD in the cultural space from the Urals to the Angara. In: A. Vybornov (Ed.). *XXIX Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshchanie*. Samara: Samara State Social Pedagogical University Publishing House, 258–260. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2018b). The chronology of the cultural relations between the Cisurals and the Western Siberia in the End of the Early Iron Age. *Arkheologiya evraziiskikh stepei*, 178–191. (Rus.).
- Shirin, Iu.V., Khavrin, S.V. (2012). Complexes of the Second Quarter of the 1st Millennium AD from the Tomsky Burial. *STRATUM PLUS. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, (4), 239–255. (Rus.).
- Zaika, A.L. (2013) *Guises of the Lower Angara*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publishing House. (Rus.).
- Zykov, A.P., Fedorova, N.V. (2001). *Kholmogorsk treasure: collection of antiquities of the III–IV centuries from the collection of the Surgut Art Museum*. Ekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Сенотрусова П.О., <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>

Эккердт А.А., <https://orcid.org/0000-0001-9647-4996>

Мандрыка П.В., <https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021